

Е Мянъ торопливо шагал, на ходу расспрашивая служанку:

— Разве они не завтра должны приехать?

Тяжело дыша, старая няня ответила:

— В письме-то так и говорилось, старая госпожа тоже только что спрашивала. Да просто ветер все эти дни дул попутный, вот судно и шло быстрее обычного. К счастью, господин заранее отправил на пристань слуг дежурить, чтобы, не дай бог, не разминуться.

Е Мянъ понимающе кивнул и прибавил шагу, спеша к Павильону Шоуюнь.

Старший дядя Е Мянъ служил префектом Учжоу. Срок его полномочий подошел к концу, и он возвращался в столицу с докладом о службе. Письмо об этом пришло загодя, и бабушка Е Мянъ еще пару месяцев назад принялась загибать пальцы, подсчитывая дни. И вот наконец-то старшая ветвь семьи возвращалась домой.

Почти у самого входа в Павильону Шоуюнь Е Мянъ заметил Е Цзина, который торопливо шел со стороны Павильона Бихуа. Увидев, что брат явно только что переоделся, а его волосы еще хранят следы влаги, Е Мянъ невольно удивился.

— Только что вернулся с допроса из темницы, — спокойно пояснил Е Цзин. — Одежда была грязной, не стоило показываться в ней гостям.

Е Мянъ поежился.

Заметив, что братья вместе входят во двор, служанки Павильона Шоуюнь бросились наперебой приподнимать дверной полог, звонкими голосами оповещая о гостях:

— Старший молодой господин и четвертый молодой господин пришли!

Стоило Е Цзину и Е Мяню войти, разговоры в комнате на миг утихли, но тут же возобновились с новой силой. Сидевшая подле старой госпожи богато одетая женщина, чья прическа так и сверкала жемчугом и нефритом, вдруг поднялась с места и с сияющим лицом сделала пару шагов им навстречу. Е Цзин и стоявшая неподалеку Цзян Наньчу тут же бросились к ней и бережно усадили обратно.

— Тетушка, прошу вас, сидите.

Сидевшая на резной кушетке старая госпожа весело рассмеялась:

— Идите же сюда. Негоже тебе подниматься навстречу этим юнцам. Садись обратно, пусть они выразят тебе почтение как полагается.

Искреннее восхищение на лице госпожи Хэ невозможно было не заметить.

— Как увидела их, так и не смогла удержаться, — она повернулась к госпоже Цю и с улыбкой добавила: — Право слово, сестрица, и как только тебе удастся рожать таких сыновей? Один краше другого, словно сошли с картины!

Все в комнате, включая прислуживающих нянек и служанок, дружно рассмеялись. Госпожа Цю прикрыла рот шелковым платком, смущенно посмеиваясь, однако не в силах скрыть переполнявшую ее гордость.

Е Цзин с Е Мянem сделали шаг вперед. Статные, одетые в дорогие шелка, с волосами, заколотыми нефритовыми шпильками, братья чинно и грациозно поклонились сидевшему в почетном кресле мужчине средних лет. Тот добродушно улыбнулся и повел руками, призывая их подняться:

— Полно, полно, поднимайтесь.

Выпрямившись, братья обратились к госпоже Хэ, сидевшей подле старой госпожи, и отвесили ей еще один глубокий поклон.

Госпожа Хэ не могла на них налюбоваться — настоящие драгоценные камни, один лучше другого. Она торопливо протянула руки, увлекла Е Мянem к себе и, крепко сжав его ладони, принялась пристально разглядывать юношу.

— Мянem-эр так вырос и похорошел! — ласково спросила она. — Помнишь ли ты еще свою тетушку?

Е Мянem посмотрел на нее и кивнул:

— Помню, тетушка.

Улыбка госпожи Хэ стала еще шире, а старая госпожа, сидевшая рядом, с улыбкой заметила:

— В прошлый твой приезд, шесть лет назад, ему было всего семь, но он уже все хорошо помнил.

Госпожа Хэ обернулась и взглянула на стоявшую поблизости няню. Та с поклоном поднесла резную деревянную шкатулку, обтянутую парчой. Госпожа Хэ вложила подарок в ладони Е Мянem, ласково похлопала его по руке и нежно проговорила:

— Хороший мой мальчик. Гостинцы, что мы привезли для вас, уже отнесли в ваши покои. А это подарок лично от меня, побереги его.

Подарки старших не принято отвергать, так что Е Мянem поспешно склонился в благодарственном поклоне.

Во время праздничного ужина госпожа Хэ усадила Е Мянem подле себя. Ее симпатия казалась совершенно искренней: она то и дело подкладывала ему лучшие кусочки и увлеченно с ним беседовала.

Искреннее отношение всегда чувствуешь сердцем, поэтому Е Мянem и самому пришлось по душе эта благообразная, ласковая тетушка. Весь вечер они вполголоса шутили и смеялись, так что застолье пролетело незаметно и весело.

Обычно в присутствии старшего брата Е Мянem невольно уходил на второй план, оставаясь без внимания родственников, так что сегодня он искренне наслаждался моментом. Когда пришло время откланяться и возвращаться во Двор Баофэн, расставаться с тетушкой ему было даже немного жаль.

Глядя на их прощание, старая госпожа весело рассмеялась:

— Надо же, как вы сошлись! Прямо настоящие мать и сын.

Вечером во Двор Баофэн Е Мянem только-только успел искупаться и переодеться, когда в

комнату вбежала Баонянь.

— От младших служанок слышала, будто в главном дворе госпожа с господином опять повздорили, — шепотом доложила она. — Да так громко спорят, прямо ужас.

Е Мяннь опешил:

— Из-за чего на этот раз? Отец опять наложницу в дом взять вздумал?

Баонянь покачала головой:

— Да нет, всех слуг со двора выставили. У дверей дежурят личные няни госпожи, никого близко не подпускают, так что разузнать ничего не удалось.

Е Мяннь нахмурился. В ссоры старших младшим соваться не пристало. Раз уж выведать ничего нельзя, то и делать нечего — придется дожидаться завтрашнего вечера, когда закончатся занятия, пойти засвидетельствовать почтение матушке и разузнать, чем отец снова ее обидел.

В это время в главных покоях Поместья Е госпожа Цю вдребезги расколотила стоявший на столе сервиз из тонкого расписного фарфора. Тыча дрожащим пальцем прямо в лицо заместителю министра Е, она в ярости кричала:

— Е Хэн! Если ты только посмеешь отдать моего Мяннь-эра в ту семью, я костями лягу, но жизни вам не дам!

Заместитель министра Е лишь обреченно вздыхал. Стоило ему протянуть руки, чтобы успокоить супругу, как госпожа Цю резко оттолкнула его.

— Ну что ты сразу паникуешь? — сокрушался Е Хэн. — Брат сегодня за ужином просто к слову это упомянул, ничего еще не решено. К чему так гневаться?

Госпожа Цю в сердцах плюнула в его сторону:

— Да как у него только язык повернулся! Мой Мяннь-эр ему что — безродный выродок, рожденный одной из твоих девок на заднем дворе?! Завтра же спрошу у старшей невестки, не много ли их ветвь на себя берет. Коли хотят усыновить дитя из нашей семьи, отчего не просят кого-то из бастардов, а зарятся на законного сына?! Поступать так низко — это же насколько нужно быть проклятыми, чтобы заслужить бездетность и бес...

— Замолчи! — прикрикнул заместитель министра Е. Видя, что супруга совсем потеряла рассудок и несет несусветную чушь, он сурово оборвал ее: — Что за вздор ты плетешь!

Госпожа Цю рыдала навзрыд, задыхаясь от гнева. В этот момент в комнату вбежала взволнованная няня и торопливо зашептала госпоже Цю на ухо:

— Старшая госпожа сейчас плачет в покоях у старой госпожи...

Госпожа Цю резко вскочила с места и, размазывая слезы по лицу, вскричала:

— У нее еще хватает наглости плакать?! Идем! Мы тоже пойдем туда, и я погляжу, как ваш клан Е станет меня притеснять! Если старая госпожа сегодня решит потакать их ветви, я завтра же заберу Мяннь-эра и уеду в Поместье Цю! Неужто они думают, что у меня родных не осталось?!

Заместитель министра Е со скорбным видом преградил ей дорогу, не давая выйти.

— Пошумела у себя в покоях — и хватит, зачем идти туда скандалить! — взмолился он. — К тому же я ведь не давал согласия отдавать Мян-эра. Кто сможет силой его отобрать?

Тем временем в Павильоне Шоюнь у всех дверей выставили надежную охрану из доверенных служанок. Старая госпожа Е сидела с мрачным лицом, на котором не осталось и следа от недавней праздничной улыбки, а госпожа Хэ плакала рядом, то и дело прижимая к глазам платок.

— Матушка, вы ведь сами знаете, сколько наложниц я впустила в дом для старшего господина с тех пор, как переступила этот порог, — всхлипывала госпожа Хэ. — Да только одна рабыня, купленная в Учжоу, разродилась Мин-эром. Мы растили его в главных покоях, берегли пуще зеницы ока, да только не суждено было мальчику пожить на этом свете. — При этих словах она разрыдалась еще громче. — С самого рождения он с лекарств не слезал, а три года назад его не стало. За эти три года в покоях господина перебивало столько новых девиц, что и не сосчитать. Все благородные дамы в Учжоу за спиной потешались надо мной! Но из этой челяди на заднем дворе ни одна девка так больше и не смогла понести.

Госпожа Хэ закрыла лицо платком, содрогаясь от рыданий. Старая госпожа Е с глубокой усталостью вздохнула:

— В том нет твоей вины. Я знаю, сколько горечи тебе пришлось испытать за эти годы. Это наш клан Е виноват перед тобой. Мне теперь стыдно на глаза показываться твоей родне из Академии Ханьлинь.

Госпожа Хэ утерла слезы:

— Не говорите так, матушка. В Поместье Е ко мне всегда относились с добротой, в моей семье об этом знают. Я пришла умолять вас вовсе не от обиды. Мне просто всем сердцем жаль старшего господина. В его жизни надеяться на то, что наложницы принесут дитя, уже не приходилось. Усыновление — наш единственный выход.

Старая госпожа Е ласково похлопала ее по руке, стараясь утешить:

— Знаю, как ты благоразумна и как заботишься о муже. В этом поколении у нас всего двое братьев. Раз уж у вас так сложилось, по всем правилам следовало бы взять на воспитание одного из сыновей второй ветви. Но почему ты просишь именно четвертого молодого господина Е? — Старая госпожа Е тяжело вздохнула. — Даже если мы с Хэн-эром дадим свое согласие, разве твоя младшая невестка сможет с ним расстаться?